

Глава 6. Обряд имяпосвящения

— Бросил школу после девятого класса, подался в бродячие певцы. Своя группа была, — начал Цзян Хэн, глядя куда-то в пустоту. — Один из моих же ребят наставил мне рога — закрутил с моей девчонкой. Я тогда места себе не находил от ярости. Отделал обоих так, что их на «скорой» увезли. Прямо на больничную койку.

Он замолчал на мгновение, сжав челюсти.

— Пар выпустил, но легче не стало. Казалось, весь мир меня предал. В ту пору я чуть в петлю не залез от депрессии, совсем извёлся. Если бы не сяншэн, если бы не эти шутки, в которых я прятался от серости... не знаю, сидел бы я сейчас перед вами.

Цзян Хэн умолчал о главном. О том, почему он, избив людей до полусмерти, до сих пор разгуливает на свободе. Он просто припугнул ту парочку видеозаписью их «похождений» в постели. Вспомнив об этом, едва заметно усмехнулся. Не он был жестоким — жизнь заставила. Нечего было вытирать о него ноги.

Хромой Чжан хранил молчание, но Цинь Фань не выдержал и восторженно выпалил:

— Ну ты и кремьнь!

Он не просто восхищался тем, что Цзян Хэн был музыкантом. В голове мелькнула шальная мысль: а если бы он сам когда-то набросился на приёмного отца, если бы избил его до кровавых соплей — перестал бы тот поднимать на него руку?

Но реальность тут же окатила холодом. Нет, не сработало бы. Он был ребёнком, а отец — огромным, тяжёлым мужиком. Маленький мальчик против такой горы мяса... Цинь Фань научился защищаться лестью и хитростью, но рассказ о грубой силе всё равно заставлял кровь кипеть.

Цзян Хэн, заметив выражение лица парня, тепло улыбнулся и взъерошил ему волосы. Цинь Фань встретился с его глубоким, внимательным взглядом и смущённо отвёл глаза.

Хромой Чжан задумчиво потёр заскорузлые пальцы.

«Значит, судьба побилла обоих? — подумал он. — Что ж, бедолага встретил бедолаг. Нет, вернее сказать — я их нашёл».

— Ха-ха-ха!

Внезапный резкий хохот заставил парней вздрогнуть.

— Ладно! — Чжан хлопнул ладонью по колену. — Колени на пол! Будем проводить обряд. Буду учить вас сяншэну!

Цинь Фань и Цзян Хэн, сияя от радости, повскакивали со своих табуреток и одновременно рухнули перед стариком.

— Все меня кличут Хромым Чжаном, настоящее имя я и сам позабыл. В даосизме моё имя — Уцзи. Я из тех, кто сяншэном на жизнь зарабатывал. Но! — старик внезапно помрачнел, а улыбка стала жутковатой. — Слушайте правду: в нашем цеху моё имя смешали с грязью. Говорят, я переспал с женой собственного учителя. За это меня и вышвырнули вон! Ха-ха! Ну как? Хватит смелости пойти ко мне в ученики после такого?

Он сверлил парней ищущим, злым взглядом, желая увидеть, как они поведут себя в этот решающий миг.

Парни замерли. Не от страха перед его переменой, а оттого, сколько грязи уместилось в паре коротких фраз. Помолчав, они переглянулись.

— Учитель! — первым подал голос Цинь Фань, уже пробуя новое обращение на вкус. — Нам нет дела до того, какой вы человек. Мы пришли учиться мастерству. Говорят, сначала учатся быть людьми, а потом — ремеслу, но мы уже взрослые. Мозги на месте, принципы сложились. Вы нас убивать или грабить всё равно не заставите, так какая разница?

Цинь Фань рассудил просто: ему нужно выжить, нужно научиться делу. А старик согласен учить. Остальное — лишь шелуха.

Хромой Чжан опешил от такой прямоты, а затем снова залился смехом, на этот раз искренним.

— Ха-ха-ха! Ну и малец, ну и хватка! Интересный ты тип!

Цзян Хэн тоже не сдержал улыбки:

— Совесть у нас есть, учитель, не беспокойтесь.

— Хорошо! — Чжан утёр выступившие слёзы. — Значит, звёзды сошлись, раз я на вас наткнулся.

Он набил трубку, раскурил её и продолжил, уже серьёзнее:

— Есть одно условие. Когда меня выгоняли, я дал страшную клятву. Ни я, ни мои ученики, ни ученики моих учеников не имеют права исполнять традиционные репризы. Никакой классики, никаких старых песнопений. Всё, что я дам вам — это мои собственные наработки, мои сюжеты

и мои песни. Идёт?

— Да хоть горшком назовите, лишь бы дело знали! — не задумываясь, выпалил Цинь Фань.

Старик усмехнулся и легонько стукнул его мундштуком по макушке:

— Это кто тут «дело знает»? Ты, что ли? Тоже мне, знаток выискался... балда!

Удар был не болезненным, и Цинь Фань, дурачась, повалился на Цзян Хэна, закатив глаза:

— Всё, я в обмороке!

Цзян Хэн подхватил его под хохот старика.

— Ой, глядите на него! — Чжан погрозил пальцем. — Актёр погорелого театра! Ты мне тут сцены не устраивай!

Все трое рассмеялись. Тяжёлая атмосфера окончательно развеялась.

***

Солнце клонилось к закату, окрашивая дворик в багряные тона. Нужно было успеть до темноты. Чжан выпрямился, принимая важный вид.

— По старым правилам мы должны были созвать гостей, объявить о посвящении на весь мир. Но в моём положении это лишнее. Будем считать, что обед, который мы съели, и был нашим праздничным пиром.

Парни кивнули. Поклоны были отданы, ритуалы соблюдены — теперь они официально стали его учениками.

— Теперь главное — имена, — торжественно произнёс Чжан. — Для сцены нужны другие имена. Говорите даты своего рождения.

Когда Цинь Фань и Цзян Хэн назвали цифры, старик зажмурился и начал быстро перебирать пальцами, словно что-то подсчитывая.

— Высчитал по звёздам, — наконец произнёс он. — Отныне ты, — он указал на Цинь Фаня, — будешь зваться Юэцзин. Цинь Юэцзин. А ты — Чэнъян. Цзян Чэнъян.

Цинь Фань аж подпрыгнул на месте.

— Учитель! Ну какой же я Юэцзин? Посмотрите на меня — я же весь такой яркий, солнечный, красавец хоть куда! Это я должен быть Чэньяном! А Юэцзин... ну что за имя? Звучит почти как «менструация»! Я же мужик, меня засмеют!

Хромой Чжан пренебрежительно фыркнул:

— Много ты понимаешь! Твой учитель не только в сяньшэне мастер, я ещё и в даосских таинствах смыслю. Когда я ошибался в предсказаниях?

Парни переглянулись. Даос? Настоящий?

— И вообще, — старик хитро прищурился, — мужчине полезно быть «другом женщин».

Цинь Фань лишился дара речи.

— Слушай сюда, — Чжан перешёл на наставнический тон. — «Ум твой остр, да сердце беспокойно, в мыслях ворох дел, что спать не дают». С виду ты рубаха-парень, но внутри у тебя всё звенит, как натянутая струна. Слишком много в тебе огня, слишком много «Ян». Чтобы ты не перегорел, нужно остудить тебя прохладой луны. Имя Юэцзин — это лунный блеск, мягкий и чистый. Оно тебя уравновесит.

Старик повернулся к Цзян Хэну:

— А вот ты... «Взгляд твой прячет холод и обиду, в сердце — сталь и яд, что не виден глазу». Ты кажешься покладистым, но внутри у тебя тьма и ярость. В тебе слишком много теней. Тебе нужно солнце, чтобы выжечь эту скверну. Имя Чэньян — «наследующий солнце» — принесёт тебе свет.

Цзян Хэн замер, а затем медленно улыбнулся. Старик видел его насквозь. Видимо, он и впрямь непрост.

Цинь Фань всё ещё кривился, причитая:

— Ну ладно, Юэцзин так Юэцзин... Но хотя бы Юэцин нельзя было? Чтобы с Чэньяном в рифму?

— Я здесь учитель, мне и решать! — отрезал Чжан. — С этими именами вы не просто в люди выбьетесь — вы прогремите на весь свет. Звёзды врат не будут.

Умел Хромой Чжан заговорить зубы — не зря в молодости по ярмаркам кочевал. Цинь Фань, воодушевлённый перспективой великого будущего, наконец смирился.

— Спасибо учителю за имена!

Цинь Юэцзин и Цзян Чэнъян снова низко поклонились.

— Ну, будет, вставайте! — Чжан довольно расправил плечи. — Чэнъян, ты старший, будешь приглядывать за малым. А ты, Юэцзин, раз младший — терпи и учись. Но знай: мы тебя в обиду не дадим.

Цинь Юэцзин так и засиял. Он посмотрел на Цзян Чэнъяна, потом на старика, и вдруг...

— А-а-а! — завыл он во весь голос, заливаясь слезами. — У меня теперь есть семья! Настоящая семья!

Вспомнив все годы одиночества и побоев, Цинь Юэцзин не выдержал. Плотину прорвало.

Цзян Чэнъян, посмеиваясь, притянул его к себе и погладил по голове, успокаивая. Чжан же только беззлобно ворчал:

— Ой, поглядите на него! Нашёл я себе на голову плаксу...

Но в глубине души старик ликовал.

«Плачь, малец, — думал он. — Выплачи всю старую горечь. Теперь всё пойдёт иначе».

Вечерний зной потихоньку спадал, но дворик всё ещё хранил тепло прожитого дня. Судьба свела их троих в этом богом забытом месте, и с этого мгновения их жизни перестали быть обычными. Они возродились.

<http://bllate.org/book/17504/1651933>